

ЩЕПОТКА
РАССКАЗОВ

Сборник «Щепотка рассказов»

Редакция: Михаил Гок

Почта: mihailgok@ya.ru

Сайт: mihailgok.ru

Обложка: Semyone

SvidCan
2018г

Благодарность можно выразить на сайте mihailgok.ru вкладка: контакты.

Короткие рассказы, всего три штуки.

Приятного чтения!

1. «...»	5
2. «Облако».....	13
3. «Саксофонист».....	16

1. «...»

Крупными хлопьями шёл снег. В воздухе пахло новым годом. Неугомонный дворник с приятным скрипом чистил около подъезда.

На окнах соседнего дома то тут, то там играли гирлянды, иногда очень яркие, иногда старые и тусклые, но всё равно праздничные. Я подумал, что одно из этих окон должно принадлежать ЕЙ. "Нет, нужно прогонять такие мысли". Но наступал новый год. В обычные будние дни учёба увлекала меня, а дополнительной работе, чтению и другим развлечениям я отдавал остаток времени. А в новый год... в новый год всегда нечем заняться. Только ближе к вечеру следующего дня от меня потребуют помощи в накрытии стола и тогда уже время полетит незаметно.

Все подарки были куплены и упакованы. Спокойная скука пыталась усыпить меня, но новогодний мандраж не давал ей победить. Я вышел на улицу.

Свежо, но не холодно. Люди, забывши о

рутине, шли по своим делам. Я знал, что сегодняшние им точно нравятся. Кто-то спешил за подарками, кто-то — за едой на большой ужин, кто-то — за праздничным фейерверком. А другие шли веселиться с друзьями сейчас, чтобы вечером побыть с семьей или уже лежать лицом в свеженьком салате. Странно все это. Но в новый год подобные странности оправданы.

Так вот, я вышел из своей хрущёвки. Белое зимнее небо обильно осыпало улицу, меня и других прохожих своими маленькими частями. Я сделал первый шаг из подъезда. От нежного скрипа мурашки пробежались по спине. Тогда я с удовольствием сделал ещё один, а затем уверенно пошёл вперед. Но куда? — Почём мне знать? Такие прогулки не имеют цели.

Выйдя из двора, я направился в центр своего небольшого городка. Но там надежда встретить кого-нибудь из знакомых не давала мне насладиться одинокой прогулкой. Тогда я свернул в сторону парка, который в это время всегда пустовал. "Можно заняться ра-

ботой". Очень даже можно. Благо в рюкзаке всегда лежали карандаши и блокнот. Я выбрал самую приветливую лавочку с хорошим видом и достал их. Тонкими линиями сделал небольшие наброски. Затем увлекся наблюдением за воронами, беспощадно отвлекающими меня своим карканьем, но позже благополучно забыл о них и, посмотрев на партию свежим взглядом, написал: "Конь на е5".

— Сомнительный ход.

— Да.

— И к чему он ведёт?

— Конь в центре всегда удачен.

— Не когда на него с аппетитом поглядывает ферзь. Так к чему такой ход?

— Угроза королю.

— Слабо.

— Отстань.

Заставить скептика внутри меня молчать — дело сложное. Пусть он иногда и помогал мне, его вечное недовольство удручало.

"Почему я не могу просто развлечься за любимой игрой? Я знаю эти тысячи раз надоевшие всем дебюты. Также, как знаю, что

они чертовски хороши. Но люди, придумавшие их, были вне рамок, так почему я себя в них загоняю?"

— Это уже три хода как не дебют, — перебил меня голос в голове.

— Замолчи.

Я положил блокнот и решил отвлечься на красоту деревьев, опыленных со всех сторон снегом и застывших в своих новых нарядах. Почему-то природа всегда находит способы удивить нас даже чем-то давно знакомым.

Когда я вернулся к блокноту скептический голос был забыт. Я обвёл "Конь на е5" и увлёкся игрой. Партия закончилась на пятьдесят седьмом ходе победой дружбы (хоть перевес был на стороне былых). А день не перевалил даже за середину. Играть больше не хотелось и я решил снова вернуться в центр, на этот раз с твёрдым намерением встретить знакомых и пообщаться. Мне попала группа школьных товарищей, несколько совсем уж дальних знакомых и всего один друг, который единственный не позвал к себе отмечать, потому что хорошо знал,

что мы как обычно собираемся первого числа за большим круглым столом и с праздничным настроением изобретаем что-то новое. Ну или просто безостановочно играем в любимые игры, там уж не угадаешь.

Я вернулся в свой двор. Хотелось было покрутить в голове основные математические проблемы современности, но настроение было не то.

Делая круги вокруг коробки, я от скуки начал решать задачи Эйнштейна в уме, пока не понял, что совершенно забыл о цветах для матери. И тогда снова уверенно зашагал в сторону центра.

Это была моя новая традиция. Перед праздником дарить ещё один подарок. На этот раз я решил найти его в цветочном.

Было слишком холодно для роз и слишком темно для тюльпанов. Тем более, что я не любил срезанные цветы. Выбрав розовую гортензию в горшке, я подошёл на кассу и вытащил из кошелька одну из немногих оранжевых хрустящих бумажек.

Музыка ветра¹ оповестила весь мир о том, что мы с цветком покинули тёплое помещение. Гортензия прекрасно смотрелась на фоне белого снега. Я подумал, что ей самое место на подоконнике... мимо прошла девушка.

Невероятно. Снег падал, как и весь день до этого. Пахло новым годом и просто свежестью. Где-то поблёскивали гирлянды... но что-то изменилось. Секундное замешательство прошло. Девушка повернула в сторону моего двора. Я неспешно, стараясь не спугнуть, пошёл за ней. В общем-то, можно было не подходить. Зачем? Я чувствовал, что встречу с ней ещё. Много, много раз. Так куда торопиться? Тем более, что скоро праздник, суета, полно увлекательных забот, а отношения помогают, когда тебе скучно... эти сомнительные мысли исчезли также внезапно, как появились. Не в силах больше сопротивляться, я подбежал к ней.

¹ музыка ветра — те самые надоедливые звенящие трубочки, висящие в основном на дверях цветочных.

— Девушка! — она повернулась и удивлённо посмотрела на меня. Голубые глаза, тёмно-коричневые волосы, аккуратный носик — более тонкие черты её лица ускользали от меня из-за странного чувства с которым я никак не мог справиться.

— Возьмите этот цветок. — "до чего нелепо" — сказал внутренний скептик. Я даже не думал обращать на него внимания и добавил:

— Вы так прекрасны.

Удивление на её лице возрастало вместе с количеством моих слов, но когда я протянул ей цветок, она улыбнулась.

— Спасибо.

Только добравшись до своей квартиры, я понял, что произошло.

"Вдруг мы больше никогда не встретимся?" — Этот вопрос мучал меня, когда я шёл обратно за цветами маме, во время ужина, семейного просмотра очередной "одноразовой" комедии...

Ночью я нашёл себя у окна, наблюдающим за тем самым местом, где был передан цветок.

"Идиот, ты даже не посмотрел, в какую сторону она пошла!"

Я пытался вспомнить, но не мог.

— И где теперь искать?

— Да ладно, если прошла здесь однажды, пройдёт и снова...

— Наверное...

Но верилось в это с трудом, ведь раньше я её не встречал...

Сон брал свое. Глаза слипались и мой взгляд безучастно сползал по окнам соседнего дома... пока внезапно не остановился на одном. Сердце затрепетало. Розовый цветок стоял на подоконнике её квартиры и весело отражал разноцветные огоньки неугомонной гирлянды...

© Михаил Гок

2. «Облако»

Энрико снова и снова бился над этим *temps lie*², но движение всё время казалось ему негармоничным, незавершённым. Весь танец удавался ему с удовольствием и радостью, но здесь почему-то энтузиазм покидал его, и, как ему казалось, движения становились угловатыми, неуклюжими, надуманными.

В двадцатый раз подряд повторенный пассаж, сразил его, и волна досады окатила танцора, прибив его к старому деревянному полу.

Вот уже двенадцать лет он танцевал здесь на Санта Мария ла Бланка, в выдавшем виды уютном зале с двойным светом и огромными окнами, стоявшем на старой набережной Гвадалаквира³, доставшемся городу от како-

² *temps lie* (тан лие) – слитная связка движений, маленькое адажио на несколько счетов. (танц.)

³ Гвадалаквир – река в Севилье, Испания.

го-то знатного Дона. Это вот уже четверть века была студия классического танца, но истый севильец не мог не привнести в своё творчество темперамент фламенко, хотя бы маленькое *pellizco*⁴, характерное *allongee*⁵ или эффектный поворот плечами обязательно выдавали в нём испанца.

«Что же это? Конец?! Больше я ни на что не способен?» — думал он, распростёршись на полу, и уже влага настойчиво подступала к его глазам, но он открыл их широко, чтобы не дать слабости проявить себя, как это не раз бывало в детстве... И что же предстало перед его дерзким чёрным взором? В высокой ясной лазури плыли облака, как ни удивительно это было для жаркого июля. Все они двигались неторопливо, вальяжно, но одно, видимо, поймав поток, трансформиро-

⁴ *pellizco* (пелиско) – «изюминка». Маленький жест, сочное дерзкое движение фламенко, используемое для усиления эффекта. (танц.)

⁵ *allongee* (альянже) – удлинить, вытянуть. Взмах кисти. (танц.)

валось быстро, мягко и совершенно незаметно, но так пластично, с такой гармонией и даже чувством, что Энрико уже не мог больше ни досадовать, ни размышлять о движении, он знал: «Свобода... поток... просто выйти из шаблона и раствориться в танце. Стать облаком. Вот он, этот штрих, без которого нет настоящего творчества».

© Татьяна Гончарова

3. «Саксофонист»

Вечер. Лето. Почти белая ночь. Я иду по едва знакомому городу. Шум разговоров и музыка доносятся из многочисленных ресторанов и кафе. Но они слабо привлекают моё внимание, в отличии от живописных соборов, особняков и простых жилых домов, построенных ещё в шестнадцатом-семнадцатом веке, но превосходящих любую современную архитектуру. Всюду светят фонари, да и ночь необыкновенно светла для человека живущего в средней полосе, поэтому ничто не отвлекает меня от наблюдений и размышлений, если только не...

Никогда не любил саксофоны. Мне казалось, что они звучат слишком надрывисто и резко, будто не уважая классические правила, пытаются возвысится над остальными инструментами. И, что хуже всего, иногда у них это получалось, ведь барышни всегда любили саксофонистов. Так я считал. Но звуки, доносившиеся из одного ничем не

примечательного кафе, заставили меня остановиться. Я мог бы сделать усилие и продолжить идти, но почему-то так не хотелось...

Внутри было тепло и уютно. Зал заполнен процентов на семьдесят, причём половина гостей явно принадлежала к числу завсегда-таев, и я был уверен, что не последней причиной их посещения стал полненький уса-тый и по виду обыкновенный саксофонист, который, погрузившись в музыку, казалось, не замечал происходящего вокруг. Люди обра-щали на него внимание редко, раз в пять-шесть музыкальных композиций, а осталь-ное время сидели и говорили о своём. Вот только саксофонисту это было совершенно не важно.

Я подошёл к барной стойке и попросил чашку кофе. Бармен многозначительно пе-ревёл взгляд на часы, стрелки которых пока-зывали час ночи, потом обратно на меня. Я улыбнулся и кивнул. Он пожал плечами и достал турку, которая была в этих местах ди-ковинкой. Я вдохнул запах свежемолотого

кофе, и в то же время пространство вокруг наполнила музыка, лёгкая и расслабляющая. Мне показалось, что зал полон тумана, а люди вокруг — лишь тени. Но это длилось не так долго, как хотелось. Первый же глоток кофе разогнал заполонивший всё туман, который, видимо, был связан не столько с музыкой, сколько с усталостью.

Ко мне подсел элегантный молодой человек, полный сил и уверенный в себе. Настойчиво улыбаясь, он как-то уж слишком фамильярно обратился к бармену, потребовав от него вина, на что тот ответил поспешным наполнением бокала. Тогда — вероятно, владелец этого заведения — сделал лёгкий глоток и повернулся в сторону музыканта. Он очевидно хорошо понимал, что атмосферу этого места во многом создаёт саксофонист.

— Очень красиво, — сказал я, переполненный добрыми чувствами.

— Да-а — протянул хозяин, не оборачиваясь, — не поверите каким он был, когда мы только познакомились, но его виртуозная игра

просто поразила меня.

— Неужели? И что же с ним было тогда?

— Боюсь это разрушит ваши романтические образы. Хотя, с другой стороны, возможно, лишь усилит их.

Будучи от природы человеком любопытным и настойчивым, я расспросил его обо всём в мельчайших подробностях, совершенно забыв о правилах приличия.

«Всё началось в музыкальной школе, которую саксофонист закончил с отличием. После ему не составило труда поступить в приличное музыкальное училище, ведь он с детства был увлечён музыкой и мечтал посвятить ей свою жизнь. Таким образом саксофонист стал учиться и подрабатывать, стараясь посещать и занятия, и разные мероприятия, на которые его приглашали за небольшую, но не лишнюю плату. Заработанные деньги он почти сразу тратил с друзьями на развлечения, засиживаясь, как это часто бывает с творческими людьми, в ресторанах, кафе или дома, за бутылочкой хоро-

шего бургунского или чего по-крепче. Встречи затягивались, приглашали саксофониста всё больше, и всё меньше времени оставалось на обучение. Это привело к тому, что его отчислили. Он не сильно расстроился по этому поводу, но решил, что подобные обстоятельства, возможно, даже к лучшему, что он сможет теперь зарабатывать больше и совсем не переживать за учёбу. Да только родители не разделяли его оптимизма и отказались содержать своего сына, раз он уже такой самостоятельный и разумный. Так музыкант оказался в незавидном положении. Теперь ему приходилось работать вдвое больше, чтобы снимать себе квартиру, а во времена, когда кончались праздники и туристический сезон, вовсе бросать музыку и наниматься разнорабочим. Время шло. Саксофонист старался не унывать, но уже не верил в свои силы, не думал, что способен научиться играть виртуозно, чтобы собирать залы или хотя бы работать в хорошем музыкальном коллективе. Он, что называется, по-

терял себя. А через некоторое время просто перестал играть».

Тут рассказчик слегка перевёл дух и попросил подлить ему вина.

— Грустновато звучит, не правда ли?

— Немного, — подтвердил я, растерянно наблюдая за саксофонистом.

— К счастью, мой друг никогда не терял чувства юмора, которое, в конечном итоге и спасло его.

— Рассказывайте же дальше, не томите, — потребовал я, раздосадованный внезапной тяжестью истории, казавшейся столь несовместимой с лёгкостью, которая была в музыке вокруг.

— Хорошо, хорошо, мой друг, не переживайте так.

«Тогда, потеряв работу музыканта, саксофонист постепенно влезал в долги, переставая заботиться о своём благополучии и думая лишь о том, как неудачно всё сложилось “из-за этого треклятого инструмента”. И вот, в

один из дней, обросший щетиной и потерявший множество качеств, присущих джентельмену, включая приличный костюм, трезвый вид и приятный запах, он из принципа решил сдать саксофон в металлолом, как “предмет, благодаря которому я попал в такую позорную и незавидную ситуацию”.

В пункте приёма внезапно обнаружилось, что по иронии судьбы он выглядит так плохо, что похож на вора, лишившего нерадивого музыканта счастья обладания хорошим инструментом. И на требования “превратить этот дрянной кусок металла во что-нибудь более полезное, например, консервную банку”, ему ответили просьбой доказать свою принадлежность к музыкальной интеллигенции или катиться на все четыре стороны. После шумных и малоприятных препираний, саксофонисту всё-таки пришлось взять в руки инструмент, чтобы воплотить жестокий акт мести в жизнь. И он заиграл...»

Хозяин заведения остановился, драматично повернув голову к музыканту, который в это

время как раз дошёл до кульминации очередного произведения. После нескольких секунд молчания я не выдержал:

— Ну а дальше, дальше-то что? — хозяин повернулся ко мне, будто только что проснувшийся.

После ещё одной мучительной паузы он ответил:

— Ах, да! Ну, как чего? Он сыграл после долгого перерыва. Сыграл плохо для себя прежнего, но достаточно хорошо, чтобы понять как важна для него музыка. Он рассказывал, что, закончив произведение, в слезах побежал домой. «Будто вспомнил что-то очень простое, но безмерно важное».

— А теперь?

— Вспомнив некоторые позабытые вещи, он пошёл искать работу, но так как тогда ещё не успел восстановить приличный внешний вид, в его просто отказывались слушать, пока ваш покорный слуга на своё счастье не принял его. Сейчас он снова поступил в консерваторию и подрабатывает здесь, — не без нотки гордости закончил хозяин кафе.

— Это любопытная история, — задумчиво протянул я, сделав ещё один глоток кофе. И снова погрузился в музыку.

© Михаил Гок